Виктор НЕКРАСОВ,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»

В Сталинграде

1.

Оказывается, только-только пролетишь Дон, как уже виден Сталинград. Сначала дым, затем трубы, а потом уже и сам город, длинной лентой растянувшийся вдоль Волги. Самолет летит прямо к Мамаеву кургану. Все ближе, ближе... Впервые я вижу его с такой высоты. Все больше с живота приходилось. Видны уже баки на самой макушке, овраги, железная дорога, петлей обвивающая подножье...

Как быстро летит самолет. Хоть бы на минуту задержался. Ведь так интересно посмотреть с высоты, с которой бомбил нас когда-то фашистский «асс», на те места, где столько времени просидел и проползал. Но самолет уже свернул и летит вдоль города.

Я прилипаю к стеклу, стараюсь распознать знакомые места. Точно большая военная карта, распростерся внизу город. Вот завод «Метиз», вот нефтебаза с новенькими, взамен старых лопнувших от взрывов баками, овраг Долгий с характерной развилкой и дамба, которую наши саперы собирались когда-то взрывать. Площадь 9 января и на ней старая мельница...

Мы летим над центром города, над площадью Павших борцов — даже универмаг виден, в подвалах которого сдался Паулюс. А вот и элеватор — какой он маленький с воздуха! А вокруг дома. Бог ты мой, как много домов! Но самолет опять свернул вправо, к аэродрому, и все уплыло куда-то вниз. Через несколько минут мы приземлимся, через час я буду в городе. Чувствую, что волнуюсь.

2.

Остановка — Мясокомбинат. Соскакиваю с трамвая и сворачиваю налево, к Мамаеву кургану. Вот он — плоский и некрасивый, поросший редким кустарником. Высота, господствующая над городом, ключевая позиция — видимость на десятки километров, на Сталинград, Тракторный, «Красный Октябрь» и за Волгу — до самого горизонта. Пять месяцев через самую вершину проходила линия фронта, пять месяцев пытались гитлеровцы спихнуть нас в Волгу и, если продвигались, то редко когда больше чем на пять—десять метров.

Я иду по знакомой дороге. Так мы ходили с берега, от штаба полка на передовую. Налево Мясокомбинат. Тогда, в сорок втором, для нас это было просто условное название — так на карте было написано, так называли местные жители разбомбленные руины, в подвале которых был КП первого батальона. А сейчас — новенькое выбеленное здание, вывеска над воротами, проходная будка. Какие-то заборы, вереница машин с мясными тушами, симпатичный домик — его раньше не было — с колоннами.

Перехожу через железнодорожную насыпь. За ней вторая. Этот участок надо было перебегать сломя голову — простреливался, проклятый, со всех сторон. Невольно посматриваешь на железнодорожный мост, из-под которого строчил пулемет. Взбираюсь на вторую насыпь. Вот тут... Нет, правее, метров на пятьдесят правее, мы рвали рельсы для перекрытия. А там, на завороте — ну да, под насыпью видны еще остатки сваленного поезда — сидел под вагонами Василий Зайцев и щелкал противника из своей снайперской винтовки. А еще дальше окопы четвертой роты Конакова, той самой роты, которая в течение двух или трех дней состояла только из Конакова и его старшины. Когда старшина уходил на берег за обедом, Конаков оставался один и, бегая меж разложенными по брустверу автоматами, создавал, и неплохо создавал, впечатление многолюдной обороны.

Это было в самые тяжелые дни осени сорок второго года. Где сейчас Конаков? Как бы хотелось, чтобы он был жив!

Насыпь уже позади. Я иду по самому спокойному участку — овражку, или, как его называли наши сибиряки, ложку, на вершину. Здесь опасна была только мина или «ванюша», пулемет был бессилен... Батюшки! Старая знакомая! Насквозь проржавевшая, изрешеченная осколками железная бочка. Около нее мы всегда устраивали перекур. Неужели и вторая, у самой передовой, тоже цела? Оказывается, — тоже, я нашел и ее. Когда-то из-за этой бочки мне крепко досталось от дивизионного инженера: «Вы зачем привязываете минные поля к таким предметам, как бочка? Сегодня она здесь, а завтра там. Чорт знает что!» А вот, оказывается, она и по сей день на том же месте. Минного поля давно и след простыл, а она все еще лежит, старушка, ржавеет под дождем. Я ее даже сфотографировал, не удержался.

Еще полсотни шагов—и вершина. Баки. Знаменитые баки — резервуары для отстоя городской воды. В них сидели гитлеровцы. А тут, где я стою, метров в 60—70 от баков, шли наши окопы. Они завалились, размыты дождями, но я их узнаю. Здесь была первая рота, здесь вторая, здесь НП артиллеристов, а здесь стояла сорокапятка, которой командовал отважный сержант якут (фамилию его я, увы, уже позабыл). А вот и то место, между нами и врагом, где стоял подбитый танк, за овладение которым два месяца шла ожесточенная борьба. Они подкапывались к нему со своей стороны, мы — со своей. Это было страшное место — немцы прозвали этот танк «танком смерти» и посылали туда только штрафников. А вот здесь...

3.

До вечера брожу по кургану, фотографирую знакомые места — братскую могилу, обелиск, поставленный еще нашей дивизией, монумент в честь отгремевших боев — орудийную танковую башню на каменном постаменте, взбираюсь на тригонометрическую вышку, смотрю на город.

Да... Не узнать тебя, Сталинград.

Помню тебя в феврале сорок третьего года. Тебя отстояли, и полки уходили на запад. Мы шли по твоим улицам, заснеженным, изувеченным воронками, усеянным трупами, и прощались с тобой. Прощались с камнями, с окопами, с землей, где лежали наши товарищи. Было и радостно и горько. Радостно, потому что мы победили, горько, потому что, уходя снова на фронт, мы, солдаты, не знали, удастся ли когда-нибудь опять увидеть, именно нам, тебя молодым и красивым.

И вот удалось. Это — большое счастье. Большое счастье побывать там, где когда-то воевал. Воевал и победил. Но еще большее счастье — увидать, что победа эта родила жизнь. А Сталинград пятидесятого года—это жизнь, бурлящая, настоящая жизнь!

На Сталинград был сброшен миллион бомб. Сто тысяч тонн металла. Это не считая снарядов и мин всех калибров. В городе не осталось ни одного дома. Это не фигуральное выражение, это статистика. Заводы были разрушены полностью. «Баррикады», «Красный Октябрь», СТЗ. Через их цехи проходила линия фронта. В большом промышленном городе оставалось всего 1515 жителей. Мертвых было больше, чем живых. Город наводнили крысы— вечные спутники смерти. В развалинах кричали сычи.

Но фронт уже был далеко. И сталинградцы приступили к работе.

31 января капитулировал Паулюс. 13 февраля начали работать первые две хлебопекарни, открылись почтовые отделения. 17 февраля из Мичуринска пришел первый поезд. Услыхав его гудок, мы высыпали из блиндажей и долго слушали, как самую прекрасную музыку. 10 марта открылся первый кинотеатр. 19 марта СталГРЭС дала первый ток. 17 апреля прибыл первый пароход из Астрахани. 20 апреля на СТЗ восстановлен был первый станок. 10 июля прозвучал первый гудок на «Баррикадах». 31 июля восстановленная на «Красном Октябре» мартеновская печь дала первую плавку высококачественной стали...

Список я могу продолжать бесконечно, и даты эти, может быть, не менее значительны, чем даты от августа до февраля. Мне рассказывал токарь кузнечного цеха СТЗ Иван Иванович Мирин, как они работали на заводе в те дни. Двенадцать часов на восстановление цеха — в мороз и стужу, а потом—на восстановление жилого дома, пока руки работают. Первый станок был пущен в сорок третьем году, а новый, сорок четвертый, рабочие встречали уже в отстроенном доме.

Это был тяжелый, ох, какой тяжелый, еще военный, сорок третий год.

Теперь 1950-й.

Я стараюсь найти какое-нибудь не трафаретное выражение, наиболее точно передающее впечатление, которое производит сейчас Сталинград. И ничего не могу найти, кроме штампованно-красивого, но, что поделаешь, абсолютно меткого,— из руин и пепла рождается новый город. Именно из руин и пепла, именно рождается, и именно новый, к тому же красивый, большой.

Не посвященному в тайны генерального плана человеку трудно сразу понять, что к чему. Вот дом, и вот, и вот, и вот, и еще десять, и еще двадцать... Новые, многоэтажные, светлые. В лесах и без лесов. И рядом мощные краны, подающие кирпич, работают бетономешалки, экскаваторы, тяжелые катки ползут по новому асфальту.

4.

Человека, впервые попавшего сейчас в Сталинград, возможно, потрясут разрушения. Я их не замечаю. Для меня, как и для всякого воевавшего здесь семь лет назад, даже ровные, пустые, ничем еще не застроенные кварталы говорят о другом, говорят именно о стройке.

Недавно еще было страшное месиво кирпича и железа, качающиеся от ветра полуразвалившиеся стены, неизвестно на чем висящие лестницы — сейчас готовая для строительства площадка. Раньше по этой улице нельзя было не только проехать, но и проползти — сейчас ее асфальтируют и десятки рабочих укладывают вдоль тротуаров бордюрный камень. Вот здесь, на углу, сиротливо торчали обгорелые дымоходы — сейчас кинотеатр «Победа» — просторный, сияющий огнями. Рядом — городской сад. Мемориальная доска на ажурной арке входа говорит о том, что «29—31 августа 1942 года здесь формировались отряды народного ополчения». Сейчас в саду укатывают дорожки, сажают молодые деревья. За последние годы в городе посажено свыше полумиллиона деревьев и кустарников.

Против входа в сад — большой жилой дом, открывающий собой перспективу на почти уже восстановленную улицу Ленина. Группа людей, задравши головы, разглядывает угловую башню дома. Это архитекторы и строители, приехавшие из Польши, знакомятся с архитектурой и новыми методами строительства Сталинграда. — «Хорошая механизация!» — с чувством говорят поляки, рассматривая мощный подъемный кран, и записывают что-то в свои блокноты.

Вечером в архитектурно-проектной мастерской главный архитектор города тов. Симбирцев рассказывает о генеральном плане. План действительно грандиозный. Беспокойство вызывает только то, что он до сих пор не утвержден. Основа плана, разработанная Академией архитектуры СССР, подверглась коррективам, но окончательного утверждения, без которого работать все-таки трудно, до сих пор нет.

— Но мы не можем ждать, — говорит архитектор Симбирцев. — Мы работаем и строим. К этой зиме мы должны всех переселить из подвалов в светлые удобные дома. Самое важное сейчас для нас — это жилищное строительство. Ждать нельзя— ни одного дня.

И сталинградцы не ждут — строят. Я подсчитал, сколько же построено домов в одной лишь центральной части города площадью в какой-нибудь квадратный километр или полтора. Пятьдесят четыре готовых здания и около тридцати строящихся! Причем все они в четыре-пять-шесть этажей.

5.

Каким же будет Сталинград? Через три, пять, десять лет?

М. И. Калинин в своем письме к председателю Комитета по делам архитектуры писал в 1943 году: «При воссоздании, скажем, Сталинграда безусловно придется учитывать и обилие солнца, и Волгу, и направление ветров, и пески. В соответствии с этим, возможно, потребуется совершенно новая перепланировка города...»

Да, работы по планировке города предстоят большие. Немало уже сделано, но